

Жюль Верн

Паровой дом

Жюль Верн
Паровой дом

«Public Domain»

1880

Верн Ж. Г.

Паровой дом / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1880

«Берег был совершенно безлюден, и никто не заметил его проделки. Вместе с этим именем исчезло и имя генерал-губернатора Бомбейского округа, скреплявшее подпись вице-короля Индии. Как объяснить действия факира? Ужели, разрывая афишу, он надеялся, что бунтовщик ускользнет от правосудия и от последствий принятых против него мер? Мог ли он предположить, что такая страшная знаменитость легко исчезнет вместе с обрывком клочка бумаги? Нет, это было безумием уже потому, что громадное количество таких же афиш виднелось на стенах домов, дворцов, мечетей и гостиниц Аурангабада. Кроме того, глашатай обходил все улицы города, громко читая постановление губернатора...»

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Оцененная голова	6
Глава вторая. Полковник Мунро	11
Глава третья. История бунта сипаев	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жюль Верн

Паровой дом

Книга создана по изданию книготорговца А. В. Хлебникова, М. 1881

* * *

Часть первая

Глава первая. Оцененная голова

Вечером 6 марта 1867 года жители Аурангабада могли прочесть такое объявление:

«Две тысячи фунтов в награду тому, кто доставит живым или мертвым одного из бывших предводителей восстания сипаев, о присутствии которого в Бомбейском округе получены сведения. Преступника зовут набоб Данду-Пан, но более известен под именем...»

Последних строк с именем набоба, ненавидимого, вечно проклиняемого одними и тайно почитаемого другими, недоставало на том объявлении, только что наклеенном на стене полуразвалившегося здания на берегу Дудмы. Нижний угол афиши, где имя это было напечатано крупными буквами, оторвал один факир.

Берег был совершенно безлюден, и никто не заметил его проделки. Вместе с этим именем исчезло и имя генерал-губернатора Бомбейского округа, скреплявшее подпись вице-короля Индии.

Как объяснить действия факира? Ужели, разрывая афишу, он надеялся, что бунтовщик ускользнет от правосудия и от последствий принятых против него мер? Мог ли он предположить, что такая страшная знаменитость легко исчезнет вместе с обрывком клочка бумаги? Нет, это было безумием уже потому, что громадное количество таких же афиш виднелось на стенах домов, дворцов, мечетей и гостиниц Аурангабада. Кроме того, глашатай обходил все улицы города, громко читая постановление губернатора.

Жители самых маленьких и отдаленных местечек провинции знали, что целое состояние обещано тому, кто доставит Данду-Пана, и имя это, бесполезно оторванное на одной афише, через каких-нибудь двенадцать часов должно обежать все президентство.

Если справки были верны, если набоб действительно скрывался в этой части Индостана, то не было сомнения, что вскоре он попадется в руки людей, заинтересованных в поимке.

Что же побудило факира оборвать афишу, отпечатанную в нескольких тысячах экземпляров? Чувство злобы или тайная мысль с оттенком презрения – впрочем, решить трудно, так как в любом случае пришлось бы теряться в догадках.

Пожав плечами, факир удалился в самую многолюдную и неприглядную часть города.

Деканом называют широкую полосу полуострова Индии, заключенную между горами – Западными и Восточными Гатами. Так принято называть часть Индии к югу от реки Ганг.

Слово «Декан» по-санскритски означает «юг». В Бомбейском и Мадраасском штатах он насчитывает несколько провинций и главная из них – Аурангабадская, столица которой некогда была столицей всего Декана.

В XVII столетии знаменитый падишах моголов Ауранзеб перенес свою резиденцию в этот город, известный в начале исторической жизни Индостана под именем Кирки. Тогда в нем насчитывали до ста тысяч жителей. Теперь, под владычеством англичан, население города не превышает пятидесяти тысяч.

Эта местность полуострова считается одной из самых здоровых, и до сих пор ее щадит ужасная азиатская холера; даже лихорадочные эпидемии, столь опасные в Индии, никогда не посещают ее.

В Аурангабаде сохранились прекрасные остатки его прежнего великолепия и блеска: дворец великого могола, высящийся на правом берегу Дудмы, мавзолей любимой султанши отца Ауранзеба Шаг-Зогон, мечеть (построенная по образцу элегантнейшей «Таджи» в Агре),

четыре минарета которой возвышаются над грациозно окруженным куполом; наконец, и другие памятники, артистически построенные, богато украшенные, говорят о могуществе и величии самого знаменитого из завоевателей Индостана, который довел эту страну (он присоединил к ней еще Кабул и Ассам) до ни с чем не сравнимого благосостояния.

Хотя после этой эпохи население Аурагабада значительно уменьшилось, как было сказано выше, но, во всяком случае, человек легко мог спрятаться или, лучше сказать, стусеваться среди столь разнообразных типов, составляющих это население.

Факир, настоящий или ложный, смешавшийся с толпой, ничем не отличался. Индия кишит факирами; вместе с сеидами они составляют целую нищенскую духовную корпорацию; просят милостыню пешие и верхом, умеют требовать ее, когда им не дают добровольно, и пользуются огромным влиянием среди низших классов индусского населения.

Факир, о котором идет речь, был мужчина высокого роста, на вид ему можно было дать никак не более сорока – сорока двух лет. Лицо его напоминало прекрасный магаратский тип, особенно по блеску его черных оживленных глаз. Но трудно было отыскать тонкие черты его племени под тысячью ямочек, оставленных оспой, которые покрывали его щеки.

Это был человек в полном расцвете сил, гибкий, крепкий, с особенной приметой, если только это можно считать приметой: на левой руке у него не хватало пальца.

Волосы его были окрашены в красный цвет, он был почти наг, без обуви, с тюрбаном на голове, с телом, едва прикрытым скверной шерстяной полосатой рубашкой, повязанной у пояса. На груди виднелись начертанные яркими красками эмблемы двух начал индусской мифологии сохраняющего и разрушительного: голова льва из четвертого воплощения Вишну, три глаза и символический трезубец мрачного Шивы.

Между тем неподдельное и вполне понятное волнение охватило улицы Аурагабада, в особенности те, в которых теснилась разнохарактерная толпа беднейших кварталов.

Мужчины, женщины, дети, старики, европейцы и туземцы, солдаты королевских полков и полков из местного населения, нищие всех сортов, крестьяне ближайших деревень встречались, разговаривали, жестикулировали, обсуждали, объявляли, взвешивали возможность заработать огромную премию, предложенную губернатором.

Возбуждение умов не могло бы быть сильнее перед колесом лотереи с главным выигрышем в две тысячи фунтов стерлингов. Прибавим, на этот раз не было никого, кто не мог бы взять хорошего билета: этот билет был – голова Данду-Пана, но, правда, надо было иметь особенное счастье, чтобы встретить набоба, и особенную смелость, чтобы захватить его.

Факир, очевидно единственный из всех, не льстивший себя надеждой на премию, проходил между группами людей, по временам останавливаясь и прислушиваясь к тому, что говорилось, как человек, который может извлечь из всего этого пользу. Хотя он не присоединялся и не вмешивался ни в чьи предложения и не делал никаких замечаний, но глаза и уши его не дремали.

– Две тысячи фунтов за выдачу набоба! – кричал один, поднимая к небу свои крючковатые пальцы.

– Нет, не за открытие, а за захват, между этим есть небольшая разница, я думаю!

– Да он не из таких, что позволят взять себя беспрекословно.

– Но ведь недавно говорили, что он умер от лихорадки в камышах Непала.

– Вздор! Хитрый Данду-Пан хотел прослыть умершим, чтобы жить в большей безопасности.

– Говорили, что он был похоронен среди своего лагеря, на границе.

– Выдумки с целью запутать дело!

Факир и бровью не повел, слушая эту последнюю фразу, произнесенную тоном, не допускавшим никакого сомнения.

Однако, когда один из самых возбужденных в толпе начал рассказывать слушателям подробности слишком точные для того, чтобы не быть верными, лоб факира невольно наморщился.

– Несомненно, – говорил индус, – что в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году набоб укрылся со своим братом Балао-Рао и бывшим раджей из Гонда, Деби-Букс-Сингом, в лагере у подножия одной из гор Непала. Там, почти настигнутые преследовавшими их английскими войсками, они втроем решились перейти англокитайскую границу. Но перед этим набоб и его два спутника ради большей безопасности устроили церемонию своих собственных похорон. В действительности же было похоронено только по пальцу от левой руки каждого из них, отрезанному ими самими во время церемонии.

– Откуда вы это знаете? – спросил у индуса один из слушателей.

– Я присутствовал на этих похоронах. Солдаты Данду-Пана взяли меня в плен, и только шесть месяцев спустя я мог убежать.

Во все время разговора факир пристально смотрел на индуса. В глазах его сверкали молнии. Он осторожно спрятал свою изувеченную руку под шерстяные лохмотья, покрывавшие ему грудь.

Он слушал, боясь проронить малейшее слово, губы его судорожно подергивались, открывая ряд острых зубов.

– Итак, вы знаете набоба? – слышалось несколько голосов.

– Да, – ответил индус.

– И вы узнали бы его сейчас же, если бы случай свел вас с ним лицом к лицу?

– Так же легко, как узнаю самого себя.

– В таком случае вы можете надеяться выиграть премию в две тысячи фунтов! – с завистью заметил один из присутствовавших.

– Может быть, – ответил индус, если верно, что набоб имел неосторожность проникнуть даже в Бомбейскую провинцию, что, впрочем, кажется мне положительно невероятным.

– Да и в самом деле, к чему он пойдет туда?

– Без сомнения, чтобы снова поднять восстание, – заметил один из толпы, – если не между сипаями, то по крайней мере между сельским населением центральной полосы.

– Если правительство утверждает, что присутствие его замечено в той провинции, – подхватил другой, – следовательно, оно имеет по этому делу хорошие справки.

– Пусть так! – ответил индус. Если Брама устроит, что Данду-Пан встретится на моем пути, – я буду богат.

Факир сделал несколько шагов назад, но не спускал глаз с бывшего пленника набоба.

Наступила темная, непроглядная ночь, но оживление на улицах Аурангабада не уменьшалось.

Многочисленные предположения и разговоры о набобе переходили из уст в уста. Тут говорили, что набоба видели в городе, там – что он уже далеко. Говорили также, что присланная с севера эстафета принесла губернатору новость о поимке Данду-Пана.

В девять часов вечера наиболее знакомые с делом утверждали, что он сидит уже в городской тюрьме в обществе нескольких воров, прозябающих там более тридцати лет и что завтра рано утром он будет повешен без всяких формальностей, так же как был повешен Тантиа-Топи, его знаменитый товарищ по восстанию на площади Сипри.

Но в десять часов разнесся слух, что узник бежал почти тотчас после захвата; весть эта оживила надежды всех, кого разлакомила двухтысячная премия. На самом же деле все эти слухи не имели ни малейшего основания. Голова набоба стояла по-прежнему две тысячи фунтов, и ее все еще нужно было взять.

Больше всего шансов получить премию было у индуса, который утверждал, что лично знал Данду-Пана.

Не много людей в Бомбейском президентстве могло похвастаться встречей с диким предводителем великого восстания. Севернее и ближе к центру, в Бунделькунде, Уде, окрестностях Агры, Дели, Канпура, Лакнау, на главном театре ужасов, совершенных по приказанию набоба, большинство населения не задумалось бы восстать против него и передать в руки английского правосудия. Мужья, братья, дети, жены несчастных жертв еще оплакивали тех, кого он приказывал беспощадно истреблять целыми сотнями.

Прошло десять лет, но этого было недостаточно, чтобы погасить справедливые чувства мести и ненависти. Поэтому трудно было поверить, что Данду-Пан рискнет проникнуть в провинции, где имя его было ненавистно всем. Если он, как это говорили, перешел англо-китайскую границу, если какая-нибудь неизвестная причина (может быть, новые замыслы о восстании) и побудили его покинуть убежище, куда не могла еще проникнуть англо-индийская полиция, то оставались только провинции Декана, в которых при свободном поле для деятельности он мог еще считать себя в относительной безопасности.

Вероятно, губернатор узнал о появлении Данду-Пана в провинции и тотчас же оценил его голову.

Люди высших классов общества, члены городского управления, офицеры, чиновники мало доверяли справкам, собранным губернатором; слишком часто разносились слухи, что неуловимый Данду-Пан был замечен и даже взят. О нем ходило столько фальшивых новостей, что составила даже целая легенда о вездесущем набобе и его искусстве проводить самых опытных полицейских агентов.

Но народ поверил объявлению губернатора. Особенно воодушевился прежний пленник набоба бедняга индус. Слепленный перспективой премии, сверх того, одушевленный жаждой личного мщения, он только и думал о том, как бы поскорее собраться на поиски, и был почти уверен в своем успехе.

План его был очень прост. На следующий день он намеревался предложить губернатору свои услуги; потом, точно разузнав все, на чем основывались сообщения в афише, он рассчитывал прямо отправиться туда, где было замечено присутствие набоба.

Около одиннадцати вечера, вдоволь наслушавшись всевозможных предположений о набобе, которые, перемешиваясь в его уме, еще более утвердили индуса в его намерениях, он решил наконец немного отдохнуть. Другого убежища, кроме барки, причаленной к одному из берегов Дудмы, он не имел, а потому и отправился к ней, не подозревая, что факир шел за ним по пятам, стараясь не привлечь внимания.

На окраине многолюдной части Аурангабада улицы были уже менее оживленны; вообще, это место было своего рода пустырем на окраинах города. Несколько запоздалых прохожих спешили как можно скорее пройти пустырь. Вскоре шум шагов замер, но индус, по-видимому, не обращал внимания на уединенность места.

Факир продолжал следить, скрываясь за деревьями или крадучись вдоль темных стен полуразрушенных строений, разбросанных там и сям. Предосторожность была кстати: луна взошла, и индус мог легко заметить, что за ним следят; слышать же шаги факира не было возможности: он скорее скользил своими босыми ногами, чем шел, и ни один звук не обнаруживал его присутствия на берегу реки.

Так прошло минут пять. Индус машинально шел к барке, в которой привык ночевать, — иначе нельзя было объяснить принятое им направление. Надежда отомстить набобу, который не особенно нежничал в свое время с пленными, делала из него одновременно и слепого, и глухого. Он не заметил, как факир постепенно приближался к нему.

Но вот еще одно мгновение — факир бросился на него с кинжалом в руке, сверкнувшем в слабом свете луны, и индус, пораженный в грудь, тяжело упал на землю. Хотя удар нанесли верной рукой, несчастный был еще жив: несколько неясных слов вместе с волной крови вырвались у него.

Убийца нагнулся, схватил свою жертву, поднял и, обернувшись лицом к свету, произнес зловещим шепотом:

– Узнал ли ты меня?

– Он! – прохрипел индус.

И страшное имя факира стало бы его последним словом, но он был уже мертв от мгновенного удушья.

Секунду спустя тело индуса исчезло в волнах Дудмы.

Факир подождал, пока замрет последний плеск воды, после чего, повернув назад, снова прошел пустыри и быстрыми шагами направился к одним из городских ворот. Но почти перед самым его приходом ворота были заперты. Несколько солдат королевской армии занимали пост, защищавший вход в ворота.

Факир более не мог выскользнуть из Аурангабада тем способом, каким он хотел сделать это раньше.

– Однако мне необходимо уйти отсюда сегодня же ночью, или мне не придется выйти никогда, – прошептал он.

Повернув назад, он прошел путем дозоров вдоль городских стен и, отойдя шагов на двести, взобрался на внутреннюю отлогость рва укрепления, чтобы достичь верхней части вала, гребень которого снаружи возвышался футов на пятьдесят над рвом, отделявшим эскарп от контр-эскарпа.

Это была почти отвесная стена без карнизов и каких-либо точек опоры. Достигнуть дна без риска было невозможно. Веревка, конечно, позволила бы отважиться на попытку спуститься, но пояс, охватывающий талию факира, имел не более нескольких футов длины и не мог дать ему возможность добраться к подножию вала.

Факир на мгновение остановился, осмотрелся и решил, что он должен предпринять. На гребне вала виднелось несколько куполов, образованных листвой и ветвями больших деревьев, окружающих целой рамкой растительности весь Аурангабад. От куполов отделялись длинные ветви, гибкие и прочные, из которых, пожалуй, можно извлечь пользу для того, чтобы достичь дна рва, хотя и с большим риском.

Факир, как только эта мысль пришла ему в голову, не колеблясь, исчез над одним из этих куполов, и вскоре появился снова, снаружи стены, висая на длинной ветви на одну треть от ее начала. Как только ветвь согнулась настолько, что почти касалась наружного обреза стены, факир начал понемногу скользить вниз, как бы спускаясь по канату. Он достиг почти половины высоты эскарпа, но до низа ему еще оставалось футов около тридцати.

Вдруг множество огней прорезали темноту. Загремели выстрелы: беглец был замечен солдатами караула; они открыли огонь, но в темноте попасть было трудно. Однако одна из пуль ударила в ветку, которая поддерживала факира, и надломила ее в двух дюймах от его головы. Двадцать секунд спустя ветка обломилась, и факир свалился в ров. Другой бы убили, но он был здоров и невредим. Встать, взобраться на откос контр-эскарпа среди нового града пуль и исчезнуть в ночной темноте – для бегльца было простой игрушкой.

Мили две он прошел незамеченным вдоль расположения английских войск, размещенных в казармах вне Аурангабада.

Пройдя еще шагов двести, он остановился и, обернувшись, грозно протянул к городу свою изувеченную руку, и следующие слова сорвались с его губ:

– Несчастье тем, кто попадет в руки Данду-Пана! Англичане, вы не покончили еще с Нана Сахибом.

Имя Нана Сахиба внушало наибольший ужас из всех, которыми революция 1857 года создала себе кровавую известность. Набоб произнес его еще раз как гордый вызов завоевателям Индии.

Глава вторая. Полковник Мунро

– Дорогой Моклер, – обратился ко мне инженер Банкс, – что же вы ни слова не говорите о вашем путешествии! Можно подумать, вы все еще в Париже! Ну, как ваше мнение об Индии?

– Об Индии, – ответил я, – можно сказать что-нибудь верное, по меньшей мере взглянув на нее.

– Вот тебе и раз! – воскликнул инженер. – Что же вы делали, позвольте вас спросить, проездом от Бомбея до Калькутты? Вы ослепли, что ли?

– Положим, не ослеп – мой милый Банкс, но во все время переезда находился в каком-то одурении.

– Одурении?

– Именно. Меня ослепили дым, пыль, а более всего быстрота путешествия. Я далек от порицания железных дорог, так как сооружение их – ваша профессия, милый Банкс, но забиться в угол вагона, не иметь поля зрения шире оконного стекла, нестись день и ночь со средней быстротой десяти миль в час, то летя по виадукам в обществе орлов и коршунов или спускаясь в туннели в сотоварищество крыс и полевых мышей, останавливаться только на станциях, как две капли воды похожих одна на другую, видеть в городах лишь стены да шпили минаретов, нестись среди оглушительного пыхтения локомотива, свиста паровика, визга рельсов и стопа колес, неужели все это можно назвать путешествием!?

– Ответьте-ка, Банкс, если сумеете! – воскликнул капитан Год. – А вы что скажете, полковник?

Полковник, к которому относился вопрос капитана Ф. Года, наклонив слегка голову, ограничился следующими словами:

– Мне любопытно послушать, что ответит на это господину Моклеру наш гость.

– Меня это вовсе не удивляет, – ответил Банкс. – И я признаюсь, что господин Моклер прав во всех отношениях.

– Если так, – воскликнул капитан Год, – к чему же вы строите железные дороги?!

– Чтобы доставить вам, капитан, возможность переноситься из Калькутты в Бомбей в шестьдесят часов, если вы спешите.

– Я никуда и никогда не спешу.

– Если так, путешествуйте по Грейт-Транк-Роуд, отправляйтесь по ней, и вдобавок отправляйтесь пешком.

– Я это и намерен сделать.

– Когда?

– Когда полковник согласится сопровождать мне в маленькой прогулке по полуострову, миль в восемьсот или девятьсот.

Полковник удовольствовался слабой улыбкой и снова погрузился в одну из тех продолжительных дум, из которых лучшим друзьям, в том числе инженеру Банксу и капитану Году, с трудом удавалось выводить его иногда.

Я только месяц как приехал в Индию и благодаря тому, что ехал по дороге Грейт-Индиан-Пенинсубар, ровно ничего не видел. У меня созрел план отправиться сначала в северную часть полуострова, за Ганг, с целью осмотреть главные города, увидеть все достопримечательные здания и посвятить на эту экскурсию все время, какое потребуется на то, чтобы познакомиться со страной.

С инженером Банксом я был знаком еще в Париже. Мы уже несколько лет с ним большие приятели, и более тесное сближение могло только скрепить старую дружбу. Я обещал заехать к нему в Калькутту, как только окончание работ на строившейся дороге Синд-Пенджаб-Дели позволит ему искать отдыха в трудах паломничества по Индии. С каким восторгом было при-

нято мое предложение, считаю лишним пояснить. Пуститься в путь мы должны были через несколько недель, как только наступит благоприятное к тому время года.

По приезде моем в Калькутту в марте 1867 года Банкс познакомил меня с одним из своих товарищей, честным и добрым малым, капитаном Годом; затем представил меня другому своему приятелю, Мунро, у которого мы и проводили только что упомянутый вечер.

Полковник, человек лет сорока семи, занимал в европейском квартале дом, стоявший в стороне от движений, отличающих как коммерческий, так и чернорабочий город, на какие, в сущности, распадается индийская столица. Этому кварталу присваивается иногда имя «квартала дворцов», и действительно, в последних там нет недостатка, если считать дворцом здание, отвечающее этому понятию своим портиком, колоннами и террасами. Калькутта представляет пестрое собрание всех архитектурных стилей, эксплуатируемых обыкновенно англичанами для украшения всех своих городов в обоих полушариях.

Что касается жилища полковника в частности, то это был бенгал во всей его неприкосновенной простоте. Одноэтажный дом на кирпичном фундаменте увенчивался остроконечной пирамидальной крышей; вокруг него шла веранда или, по местному названию, «варан-ча», поддерживаемая легкой колоннадой. По сторонам находились кухни, сараи, службы, образуя флигели главного строения. Все они помещались в саду с великолепными деревьями, а сад, в свою очередь, был окружен низенькой каменной оградой.

Дом полковника носил признаки благосостояния его хозяина. Многочисленная прислуга соответствовала требованиям англо-индийского домашнего обихода. Мебель, утварь, помещение – все было заведено обстоятельно и содержалось в строгом порядке. Видно было, что рука заботливой женщины участвовала в предварительном устройстве этого хозяйства, и в тоже время ощущалось отсутствие этой женщины.

Руководство над слугами и порядком было предоставлено полковником в полное распоряжение одного из его бывших сослуживцев, шотландца – «кондуктора» королевской армии сержанта Мак-Нейля, человека, делившего все его индостанские походы и принадлежащего к разряду людей, золотое сердце которых, привязавшись к кому-нибудь безраздельно, бьется вечно для одного избранника, словно переместившись в его собственную грудь.

Мак-Нейлю было сорок пять лет; это был высокий, крепкий мужчина, носивший бороду и усы, по обычаю горных шотландцев. По манерам и традиционному костюму он остался душой и телом «гайлэндером», хотя и покинул военную службу одновременно с полковником Мунро. Оба вышли в отставку в 1860 году.

Но вместо того, чтобы вернуться в недра старых, прадедовских кланов, оба остались в Индии и жили в Калькутте в полном уединении. Это обстоятельство заслуживает некоторых пояснений.

Знакома меня с полковником Мунро, Банкс сделал одно предостережение.

– Не делайте никаких намеков на восстание сипаев, – сказал он мне, – и особенно не произносите никогда имени Нана Сахиба.

Полковник Эдвард Мунро принадлежал к древней шотландской фамилии, предки которой фигурируют в истории Соединенного королевства. К числу последних надо причислить сэра Генри Мунро, возглавлявшего бенгальскую армию в 1760 году и на долю которого как раз выпало усмирение сипаев, повторивших мятеж ровно через сто лет. Майор Мунро укрощал возмущение с беспощадной энергией и однажды не поколебался даже перед приказанием привязать двадцать пять человек к пушечным дулам – не поколебался перед исполнением этой отвратительной казни, возобновлявшейся часто в восстание 1857 года и изобретателем которой, может быть, был предок полковника.

В эпоху последнего восстания сипаев полковник Мунро командовал 93-м пехотным шотландским полком королевской армии; он сделал почти весь поход под начальством сэра

Джеймса Утрама, одного из героев этой войны, провозглашенного «Баярдом индийской армии».

Затем Мунро участвовал и во втором индостанском походе под предводительством Колина Кэмпбелла, а также и в осаде Лакнау и с Утрамом расстался только тогда, когда последний был сделан членом индийского совета в Калькутте.

В 1858 году полковник Эдвард Мунро был пожалован командиром индийского ордена «The Itar of India», получил титул баронета, и жена его приобрела бы право называться леди Мунро¹, если бы эта несчастная женщина не погибла ранее, в жестокую резню в Канпуре 27 июня 1857 года под личным наблюдением и по приказанию самого Нана Сахиба.

Леди Мунро – друзья полковника никогда не называли ее иначе – была любима мужем до обожания. Во время катастрофы ей было двадцать семь лет. Мисс Опп и Джексон, почти сверхъестественно уцелевшие после взятия Лакнау, пережили своих мужей и отцов, но даже и останки леди Мунро, брошенные вместе с другими трупами в колодезь Канпура, не могли быть отысканы и почтены христианским погребением.

Тогда у сэра Эдварда Мунро сохранилось одно желание, одна мысль – поймать Нана Сахиба, против которого английское правительство вело повсеместные розыски, и утолить над ним жажду мести. Сержант Мак-Нейл сопутствовал ему всюду. Эти два человека, жившие одной мыслью, бросались во все стороны, выслеживая добычу, но усилия их, равно как и все старания англо-индийской полиции, остались безуспешными. Впрочем, в то время по всей Индии разнесся слух о смерти Нана Сахиба, и удерживался на этот раз с такой настойчивостью, что никто не сомневался в его справедливости.

Сэр Эдвард Мунро и Мак-Нейл вернулись в Калькутту и поселились в уединенном домике, только что нами упомянутом. Не читая ни книг, ни газет, которые могли бы ему напомнить кровавые события восстания, полковник вел в своем бенгало совершенно беспечное существование. Мысли о потерянной жене не покидали его; казалось, само время не имело над ним власти.

Прибавим, что молва о появлении Нана Сахиба в Бомбейском президентстве, возникшая за несколько дней перед тем, не дошла до полковника. И это было счастьем, так как в противном случае он не устоял бы в стенах своего бенгало.

Вот те подробности, которые передал мне Банкс; вот те причины, по которым следовало избегать упоминания о восстании сипаев, а главным образом о вожде Нана Сахибе.

Только двое друзей, друзей испытанных и неизменных в горе и радости, усердно посещали дом полковника, – то были инженер Банкс и капитан Год.

Банкс, как я уже сказал только что, окончил работы, порученные ему при постройке большой железнодорожной линии «Great Indian Peninsular». Это был человек лет сорока пяти, в полном цвете сил. Банкс должен был принять деятельное участие в сооружении Мадрасской ветви, предназначенной для соединения Аравийского залива с Бенгальским, но работы должны были начаться не раньше чем через год; вот почему он и жил в Калькутте, занимаясь различными проектами по механической части. Все свободное от занятий время он посвящал полковнику, все вечера проводил на веранде бенгало в обществе сэра Эдварда Мунро и капитана Года, получившего в это время шестимесячный отпуск.

Год служил во 2-м эскадроне карабинеров королевской армии и участвовал в походе 1857–1858 гг., начавшемся под предводительством Колина Кэмпбелла в Уде и Рохилкенде, затем под началом сэра Генри Роза в Центральной Индии и продолжавшемся до взятия Гвалиара.

---

¹ Нетитулованная девушка, выходя замуж за баронета или кавалера какого-нибудь ордена, принимает титул леди, когда ее называют по фамилии мужа. Но при обозначении именем, данным при крещении, титулование «леди» остается исключительным правом дочерей пэров.

Капитан Год, воспитанный в суровой школе индоостанской военной жизни, считался одним из самых уважаемых членов Мадрасского клуба. Это был молодой человек лет тридцати, с рыжевато-белокурыми бородой и волосами. Если бы он был уроженец самой Индии, и то едва ли бы был более чистокровным индусом в душе. В его глазах Индия была первенствующей страной в мире, землей обетованной, единственным уголком земного шара, где можно жить порядочному человеку. Действительно, он находил в Индии все способное удовлетворить его вкусам.

Солдат по темпераменту, он встречал тут постоянные случаи подраться. Страстный охотник, он попал в страну, где природа как бы преднамеренно собрала полную коллекцию хищных животных и всевозможную дичь обоих полушарий. Любитель взбираться на горы, к его услугам была под рукой цепь величественных Тибетских гор, включающая в свои отроги высочайшие вершины в мире. Неутомимый путешественник, кто мог помешать ему проникнуть в до сих пор еще не изведанный край, в бесконечные пространства Гималайской границы? Бесстрашный наездник, мог ли он пожаловаться на недостаток скаковых ристалищ в Индии, заменявших ему с лихвой ипподромы.

Почти во всем Банкс и он сходились во мнениях. Но инженер в качестве убежденного механика мало интересовался скаковыми подвигами Гладиаторов и Дочерей Эфира.

Так, однажды во время спора по этому поводу Банкс заметил, что конские скачки могут быть интересны при одном известном условии.

– При каком же? – поинтересовался Год.

– А вот при каком, – ответил ему с серьезным видом Банкс, – чтобы наездник, приехавший последним, был расстрелян у призового столба, на месте.

– Верная мысль, – протянул капитан Год.

Без сомнения, он не поколебался бы немедленно принять участие в скачке при подобных условиях.

Таковы были постоянные посетители сэра Эдварда Мунро. Полковник любил слушать их разговоры на всевозможные темы, и иногда их вечные споры вызывали на его губах нечто похожее на улыбку.

Общим желанием обоих друзей было подбить полковника на какое-нибудь путешествие, которое могло бы его развлечь. Много раз они предлагали ему прокатиться на север полуострова и провести несколько месяцев в окрестностях «Санториума», куда богатая часть англо-индийского общества стекается преимущественно во время сильной жары. Но до сих пор все их попытки не имели успеха: полковник не поддавался.

Мы предчувствовали, что он откажется и от того путешествия, которое собирались предпринять мы с Банксом. В тот вечер, как было уже сказано выше, капитан Год задумал экскурсию в Северную Индию пешком. Банкс не любил верховой езды так же сильно, как Год ненавидел железную дорогу.

Начался спор. Конечно, можно было прийти к соглашению, предприняв поездку в экипаже или паланкине с остановками по собственному усмотрению, что довольно удобно при хороших почтовых дорогах Индостана.

– И не говорите мне о ваших повозках, запряженных волами или горбатыми зебу! – воскликнул Банкс. – Без нас вы все еще держались бы этих допотопных способов передвижения, забракованных пятьсот лет тому назад Европой.

– Однако вы привередник, Банкс! – весело заметил Год. – Между тем почтовая езда стоит ваших блестящих вагонов и железных коней! Превосходные белые волы чудесно домчали бы нас галопом, их меняют на почтовых станциях каждые две мили.

– Да, но каково трястись в этих лодках, поставленных на четыре колеса и где вас укачивает не хуже, чем рыбака на его челноке в бурю.

– Ну хорошо, оставим телегу, Банкс, – согласился капитан Год. – У нас есть еще в запасе экипажи с упряжкой, тройкой и четверкой, которые скоростью могут потягаться с вашими «поездами», заслуживающими по справедливости названия «похоронных поездов». Говоря, однако, по совести, я предпочел бы паланкин...

– Ваши паланкины, капитан Год, это уж и впрямь гробы, в шесть футов длины и четыре ширины, где приходится лежать вытянувшись, как мертвецу!

– Согласен, Банкс, зато уж ни тряски, ни ухабов там нет; можно читать, писать, спать вволю без насильственных пробуждений на каждой станции. Наняв четверых или шестерых носильщиков, мили четыре с половиной в час проедешь непременно, по крайней мере не рискуешь, как с вашими проклятыми экспрессами, доехать раньше, чем успеешь выехать... Конечно, в том случае, если посчастливится доехать благополучно до места!

– Лучше всего, как я вижу, по-вашему, найти средство путешествовать прямо в своем доме.

– Путешествовать наподобие улитки! – рассмеялся Банкс.

– Друг мой, – ответил я, – улитка, которая могла бы по собственному желанию расставаться со своей раковиной и снова уходить в нее, не была бы уж очень жалким существом! Путешествовать в своем передвижном доме будет, вероятно, последним словом прогресса в выборе способов передвижения.

– Может быть, – вмешался в разговор полковник Мунро. – Передвигаться, не покидая своего угла, возить с собой свой очаг, все воспоминания, составляющие его, меняя только горизонт, разнообразя кругозор, атмосферу и климат, не нарушая обычного строя заведенной жизни. Это, может быть, со временем и достигнется.

– Конец тогда бенгалю, предназначенным для путников! – ответил капитан Год. – Пропадут тогда бенгалю, где приходится желать так многого по части комфорта и где нельзя остановиться без разрешения местных властей.

– Да, конец тогда злополучным гостиницам, где вас терзают на все манеры нравственно и физически, – заметил я не без некоторой справедливости.

– Нужен просто фургон странствующих акробатов, только, понятно, фургон усовершенствованный! – вскричал капитан Год. – Вот идеал! Останавливайся тогда где хочешь, трогайся в путь когда угодно, едешь, если любишь глазеть, несись вскачь, если того просит душа! И это все не расставаясь со своей спальней, гостиной, комнатой для курения и, что еще важнее, с кухней и поваром. Вот это настоящий прогресс, друг Банкс! Это будет чище ваших пресловутых железных дорог. Осмелюсь-ка опровергнуть меня, почтеннейший инженер, ну опровергните же, сделайте одолжение.

– Видите, мой друг, Год, – ответил Банкс, – я был бы готов вполне согласиться с вами, если бы...

– В чем дело?

– ...если бы ваше стремление к прогрессу круто не останавливалось на пути.

– Да разве есть куда идти еще дальше?

– Судите сами. Вы находите, что передвижной дом был бы предпочтительней вагона, предпочтительней даже гостиницы или спального вагона наших железных дорог. И вы совершенно правы, капитан, когда дело касается человека, располагающего свободным временем и путешествующего ради удовольствия, а не по делу. Кажется, никто из нас против этого возражать не будет?

– Никто, – отозвался я за все общество. Полковник Мунро кивнул в знак согласия.

– Решено, – сказал Банкс. – И прекрасно. А теперь я стану продолжать. Положим, вы обращаетесь к каретнику, который в то же время соображает по строительной части, и он сооружает вам подвижной дом. Дом готов, выстроен прочно, распланирован удобно – словом, отвечает всем требованиям любителя комфорта. Он не слишком высок, во избежание падения;

не особенно широк, чтобы иметь проезд по всем дорогам; он искусно поставлен на колеса с расчетом уменьшить тряску. Словом, это совершенство! Предположим еще, что дом сделан по заказу полковника, который предлагает нам свое гостеприимство. Если угодно, мы едем на север Индии и отправляемся как улитки, но улитки, не прикрепленные к своей раковине... Все готово к отъезду. Ничто не забыто, даже повар и кухня, столь милые сердцу капитана. День отъезда наступает. Вперед! Но кто же повезет ваш передвижной дом, скажите-ка, мой друг?

– Кто? – воскликнул капитан Год. – Да кто угодно: мулы, ослы, лошади, волы!..

– Вы их будете впрягать, вероятно, десятками? – поинтересовался Банкс.

– Тогда слоны! – возразил капитан Год. – Это будет красиво и величественно! Дом, запряженный выдрессированными гордыми слонами, бегущими аллюром лучших рысаков в мире!

– Как бы это было чудесно, капитан!

– Это будет напоминать путешествие раджи, инженер.

– Да, но...

– Опять вы с вашим «но»... у вас всюду оно отыщется.

– И заметьте, на этот раз мое «но» чрезвычайно веско.

– Ах уж эти мне инженеры! Они только и годны на то, чтобы везде отыскивать затруднения.

– И устранять их, когда представится возможность.

– Так устраняйте же их скорее, мой милейший друг.

– Устраню и сейчас же объясню вам, каким путем. Милый мой Мунро, все двигатели, перечисленные капитаном, везут, тащат тяжесть, но в то же время утомляются. Они своевольны, упрямы, а главная беда в том – они едят. Между тем может явиться недостаток в фураже, так как, согласитесь, нельзя же прихватить с собой в дорогу несколько десятин луга. И вот упряжные животные ваши слабеют, утомляются, падают, околевают по пути. Передвижной дом уже не катится, а стоит себе на месте, как тот бенгал, в котором мы имеем удовольствие вести настоящую беседу. Из всего сказанного следует, что передвижной дом делается практически полезным только с того дня, когда он превратится в паровой дом...

– ...способный бежать исключительно по рельсам, – сказал капитан, пожимая плечами.

– Нет, по любой дороге, – ответил инженер, – а везти его будет усовершенствованный локомотив.

– Браво! Браво! – воскликнул капитан. – С той минуты, как ваш дом можно будет направлять куда душе угодно, не следуя вашим деспотическим линиям, я подаю голос за него.

– Но, – заметил я, – если мулы, ослы, лошади, волы и слоны требуют пищи, то и паровик ест не меньше. За недостатком топлива он тоже может остановиться на дороге.

– Паровая лошадь, – ответил Банкс, – по силе равняется трем или четырем живым лошадям, и сила эта может быть еще увеличена. Паровая лошадь не знает ни усталости, ни болезней; во всякую погоду, под лучами палящего солнца, под дождем или снегом она будет идти одинаково, без утомления. Она не боится хищных зверей, змей, слепней и других насекомых; для поощрения ее не нужно ни бича погонщика волов, ни кнута кучера. Отдых ей не нужен, точно так же, как и сон. Паровая лошадь, созданная руками людей, совершеннее всех остальных упряжных животных, доставшихся человеку Провидением. Небольшое количество масла или сала, немножко дров или угля – вот что ей требуется для питания. Вам известно, друзья, на Индийском полуострове в чем другом может быть недостаток, но уж никоим образом в лесах, которые вдобавок составляют общую собственность.

– Верно сказано! – отозвался капитан Год. – Ура! Паровая лошадь! Я отсюда уже вижу передвижной дом инженера Банкса, который путешествует по большим дорогам Индии, проникает по тростниковым зарослям в тенистые леса, углубляется в места, заселенные львами, тиграми, пантерами и барсами. А нас самих вижу под сенями крепких стен, нагромождающих целые гекатомбы диких зверей, затмевая нашими подвигами славу всех Немвродов, Андерсе-

нов, Жерардо Петрюгуэ и Шассинов. Ах, Банкс! У меня даже слюнки потекли, и вы заставляете меня пожалеть, что я не родился пятьюдесятью годами позже!

– Почему, капитан?

– Через каких-нибудь пятьдесят лет мечта ваша осуществится и паровой дом будет создан.

– Он создан, – просто ответил Банкс. – Создан! Да кто же его творец, изобретатель, уж не вы ли?

– Да, я. И правду сказать, боюсь только одного: он превзойдет ваши ожидания.

– Так едем же, едем скорее! – воскликнул капитан Год, вскакивая с места, как будто готовый пуститься в путь сейчас же.

Инженер успокоил его жестом, затем, перейдя на более серьезный тон, обратился к сэру Эдварду Мунро.

– Эдвард, – сказал он, – если я предоставлю в твое распоряжение передвижной дом ровно через месяц и скажу тебе: «Вот твоя комната, которая может переноситься всюду, куда ты только пожелаешь, вот твои друзья – Моклер, капитан Год и я, желающие ехать с тобой на север Индии, ответишь ли ты мне тогда: „Едем, Банкс, едем, и Господь путешествующих да благословит наш путь!“»

– Я скажу «да», друзья мои, – ответил полковник Мунро после минутного раздумья. – Банкс, позволь отдать в твое распоряжение все нужные для этого предприятия деньги. Сдержи только слово, приведи нам твой идеальный паровой дом, который превзойдет мечты Года, и мы пообедем тогда Индию вдоль и поперек.

– Ура! Ура! – вскричал капитан Год. – Горе вам, дикие звери на непальской границе.

В эту минуту сержант Мак-Нейль, привлеченный возгласами капитана, появился на пороге комнаты.

– Мак-Нейль, – обратился к нему полковник Мунро, – через месяц мы едем путешествовать в Северную Индию. Хочешь ехать с нами?

– Разумеется, полковник, раз вы хотите ехать, – отвечал Мак-Нейль.

Глава третья. История бунта сипаев

Нескольких слов достаточно, чтобы дать общее понятие о положении Индии в эпоху, предшествовавшую настоящему рассказу. Это необходимо для того, чтобы помочь понять характер того страшного восстания сипаев, главные события которого необходимо восстановить в памяти.

В 1600 году в царствование королевы Елизаветы в благословенной стране Аравиарта, среди населения в двести миллионов жителей, почти половина которой исповедовала индуистскую религию, основалась достопочтенная компания, известная под чисто английским названием «Old John Company» («Компания старого Джона»).

В начале это было простое «купеческое товарищество для торговли в Ост-Индии», во главе которой стоял герцог Коумберлендский.

Могущество Португалии, достигшее в одно время сильного преобладания в Индии, в данную эпоху начинало уже ослабевать. Пользуясь этим обстоятельством, англичане сделали первую попытку учредить политическое и военное управление в Бенгальском округе, столица которого, Калькутта, должна была сделаться центром нового правительства.

Первым делом провинция была занята 39-м полком королевской армии, присланным из Англии. Вот почему на знамени этого полка и теперь можно прочесть девиз: «Tremus in Indiis».

Почти одновременно в той же стране под покровительством Кольбера была основана французская колония. Цели ее были одинаковы с целями лондонских купцов. Понятно, при этом соперничестве должны были сталкиваться их интересы. В результате потянулась долгая борьба с поочередным колебанием неудач и успехов, прославивших имена Дюплэ, Ла-Бурдоннэ и Лэлли-Толлендаля. В заключение французы, подавленные численным превосходством соперника, принуждены были покинуть Карнатик, составляющий ту часть полуострова, в которую входит значительный участок восточной границы Индии.

Вытеснив конкурентов, не опасаясь уже ничего ни со стороны Португалии, ни со стороны Франции, лорд Клай приступил тогда к упрочению владычества над завоеванной Бенгалией, генерал-губернатором которой был назначен лорд Гастингс. Искусная и последовательная администрация приступила к многочисленным реформам. Между тем с этого же момента могущественной ост-индской компании был нанесен прямой удар по ее самым дорогим интересам. Несколько лет спустя, в 1784 году, Питт назначил правительственных чиновников. Последствием этого были: потеря для компании монополии торговли с Индией в 1813 году и потеря монополии торговли с Китаем в 1833 году.

Несмотря на то, что Англия взяла перевес над иностранными ассоциациями на полуострове, она непрерывно должна была вести тяжелую войну то против прежних владельцев территории, то против новых азиатских завоевателей этого богатого края.

При лорде Корнвалисе в 1784 г. война с Типо-Саибом, убитым 4 мая 1799 года, при последнем штурме Серингапатама, происходившем под предводительством генерала Гарисса. Война с магаратами, народом высшей расы, пользовавшимся большим могуществом в XVIII столетии, и война с пиндарисами, оказавшими отчаянное сопротивление. Далее война с гуркасами Непала, отважными горцами, которые должны были показать себя верными союзниками англичан в момент опасного испытания 1857 года. Наконец, война с Бирмой в 1823–1824 годах.

В 1838 году англичане были непосредственно или косвенно владыками обширной части территории. При лорде Вильяме Бентинке начинается уже новая административная фаза.

Со времени преобразования военных сил Индии в армии обозначились два вполне независимых друг от друга континента: европейский и туземный. Первый образовал королевскую армию, составленную из кавалерийских полков, пехотных батальонов и пехотных батальонов, находившихся на службе ост-индской компании. Из второго пополнялась туземная армия,

состоявшая из регулярных пехотных и кавалерийских батальонов с туземным строевым персоналом под начальством английских офицеров. К этому следует упомянуть артиллерию, персонал которой принадлежал компании и набирался из европейцев, за исключением нескольких батарей.

Какова же численность этих «полков» и «батальонов»?

Действительный комплект батальона полагался в 1100 человек для бенгальской армии и от 800 до 900 штыков для армий бомбейской и мадрасской. В кавалерии, в обеих армиях, по положению в каждом полку должно было находиться по шестисот сабель. В общей сложности, согласно чрезвычайно точному исчислению, сделанному Вальбезеном в замечательном сочинении его «Новые этюды об англичанах и Индии», можно определить численность туземных войск «в двести тысяч человек и в сорок пять тысяч европейских войск во всех трех округах».

Сипаи хотя и составляли отдельный регулярный корпус, находившийся под начальством английских офицеров, не прочь были стряхнуть с себя тяжелое иго европейской дисциплины, возложенное на них завоевателями.

Уже в 1806 году, и очень может быть даже по подстрекательству сына Типо-Саиба, гарнизон туземной мадрасской армии, расположенный в Веллуру, вырезав главный караул 69-го полка королевской армии, сжег казармы, умертвил офицеров с их семьями и расстрелял даже больных солдат, найденных в госпитале. Что же дало повод к этому бунту или по крайней мере какой явной причиной был он вызван? Его приписывали вопросу об усах, прическе и серьгах, но более глубокой причиной была ненависть покоренных к завоевателю.

Эта первая вспышка была, впрочем, быстро подавлена вызванными из Аскота королевскими войсками.

Предлог большого восстания был того же рода, как и в первом случае; пустяк послужил поводом к движению 1857 года – движению уже несравненно более грозному, чем предыдущий эпизод, и которое могло даже повести к уничтожению английского владычества в Индии, примкну к нему туземные войска бомбейского и мадрасского округов.

Но необходимо отметить, что мятеж не был национальным движением, индусское население, как городское, так и сельское, им не интересовалось.

Кроме того, движение это ограничилось районом полунезависимых областей Центральной Индии, северозападными провинциями и королевством Ауд. Пенджаб остался верен англичанам со своим полком из трех эскадронов индийцев. Оставались верными завоевателю также сикхи – представители низшей касты, в особенности отличившиеся при осаде Дели; гуркасы, приведенные непальским раджей в количестве двенадцати тысяч человек под стены осаждаемого Лакнау, верны остались военному долгу или, употребляя выражение индийских туземцев, «верны соли» магараджи Гвалиора и Патиала, раджи Рампура и рани (правительница) Бхопала.

В начале мятежа англо-индийскую администрацию возглавлял генералгубернатор лорд Канниг. Думаю, что этот государственный человек заблуждался относительно значения этого движения. Звезда Соединенного королевства уже несколько лет заметно меркла на индусском небосклоне.

В 1848 году отступление от Кабула уменьшило авторитет европейских завоевателей. Положение английской армии в Крымской кампании во многих отношениях тоже вредило ее военной репутации. Таким образом, сипаи, точно знавшие о ходе событий на берегу Черного моря, задумали восстание туземных войск. Нужна была одна искра, чтобы окончательно воспламенить умы, предварительно подготовленные к возмущению песнями и предсказаниями бардов, браминов и «мульвисов».

Удобный случай представился в 1857 году, когда в силу необходимости, созданной внешними условиями, Англии пришлось сократить контингент королевской армии в Индии. В начале этого года Нана Сахиб, иначе называемый набобом Данду Паном, живший около Кан-

пура, отправился в Дели и затем в Лакнау, по всей вероятности, с целью подстрекательства к мятежу, давно уже зревшему втайне.

Действительно, вскоре после поездки Сахиба обнаружились первые признаки восстания.

Английское правительство только что ввело в туземную армию употребление карабина системы Энфильда, требующего смазывания патронов жиром. В один прекрасный день внезапно распространился слух, что этот жир коровий – в одних местах или свиной – в других. И такие патроны были в туземной армии, где одни солдаты принадлежат к мусульманской религии, другие – к индульской.

Надо заметить, что в стране, где население отказывается от употребления мыла на том основании, что в его состав может входить жир животного, признаваемого одними священным, а другими – нечистым, введение патронов, смазанных этим самым веществом, патронов, которые, кроме того, необходимо разрывать зубами, должно было неминуемо вызвать неудовольствие. Правительство частью уступило предъявленным ему требованиям, но, как оно ни изменяло систему употребления карабина, как ни уверяло, что жир двух названных животных не входит в изготовление патронов, ему не удалось ни убедить, ни успокоить никого в армии сипаев.

Двадцать четвертого февраля в Берампуре 34-й полк отказался от раздаваемых патронов. В середине марта убили одного из полковых адъютантов, и полк, разобщенный после казни убийц, разнес по соседним провинциям дрожжи брожения.

В Мируте, лежащем немного севернее Дели, 10 мая полки 3-й, 11-й и 20-й подняли знамя бунта, убили своих полковников и нескольких офицеров главного штаба, разграбили город и бросились на Дели. Тут к ним присоединился раджа Дели, потомок Тимура. Они завладели арсеналом и предали смерти офицеров 54-го полка.

Одиннадцатого мая в Дели майор Фразер и подчиненные ему офицеры погибли жестокой смертью от руки мятежников из Мирута, а 16 мая сорок девять пленников обоего пола сложили головы под топорами убийц.

Двадцатого мая 26-й полк, расположенный близ Лахора, убил коменданта порта и фельд-фебеля-европейца.

Сигнал к кровавой резне был дан.

Двадцать восьмого мая в Нурабаде пало еще несколько офицеров англоиндийской армии.

Тридцатого мая в лагере Ланкау убили коменданта-бригадира, его адъютанта и нескольких офицеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.